

МИРА ЛЕРМАН

ЗОЛОТАЯ
КРОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мира Лерман
Золотая кровь

«Автор»

2026

Лерман М.

Золотая кровь / М. Лерман — «Автор», 2026

Каталину называют Золотокровкой. Её кровь исцеляет раны. Она, как и все её предшественницы, почти святая. А хочет просто сражаться на деревянных мечах с подругой. Кэт не знает, что будет, когда ей исполнится двадцать. Знают соседи, которые улыбаются слишком громко и смотрят с благоговением. Крокотты рвут окраины и подступают всё ближе. Армия лорда Лигермана ещё сдерживает наступление, но в такие времена надежда на чудо нужна как никогда. Железномасковый монах — названный сын лорда — ещё держит оборону, но и его силы не безграничны, особенно когда по воле случая на его пути встречается Кэт. И кажется, о ней он знает больше, чем она сама. Кэт хочет только одного: вернуться к подруге Анхелике — единственной, кто никогда не смотрел на неё как на икону. Но чем ближе к деревне, тем страшнее правда. Дом никогда не был её домом. А люди, которые всю жизнь называли её святой, не так уж праведны. Потому что в Белгереве святых не хоронят. Их выпивают до последней капли.

© Лерман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мира Лерман

Золотая кровь

Глава 1

Зеркало над умывальником не врало.

Кэт увидела это сразу, как только откинула со лба мокрые после сна пряди. У корней — почти на полпальца — пробивалась тёмная полоса. Своя. Настоящая.

— Чёрт.

Она замерла, прислушиваясь. За дверью — тишина.

— Дура, — сказала себе в зеркало. — Забыла настоять отвар.

Белильный состав клали раз в три дня. Сегодня как раз третий. Если наставница заметит тёмные корни до процедуры — устроит разнос. А если заметит кто-то из управленцев *Кэт* не знала, что хуже. Её «святость» держалась на мелочах: белые волосы, белые одежды, золотой пояс. За любое нарушение могло последовать наказание.

Пальцы уже тянулись к ракушечной пудре. *Кэтрастёрла* её в ладонях — белая, сухая, пахнувшая известью и морем, которого она никогда не видела. Вдавила в корни.

В зеркале — бледная, худощавая, сероглазая. Бельё, рубашка, лента на волосах — всё белое. Только пояс на талии блестит жёлтым, дешёвым металлом.

Она ненавидела этот пояс. Но снимать не смела.

В дверь постучали. Коротко, привычно.

— Госпожа *Каталина*, вы встали?

— Да.

*Кэтно*тянула капюшон, прикрывая свежезабеленные корни. Пудра ложилась плотно, но она знала: к полудню начнёт осыпаться. До вечерней процедуры нужно продержаться.

— Войдите.

Служанка внесла поднос. Каша, хлеб, отвар. И новое платье — белое, с золотым шитьём по подолу. Девушка не поднимала глаз, но *Кэт* заметила, как дрожат её пальцы. Не от страха перед «святой». Что-то случилось.

— Сегодня вас ждут в малой зале, — проговорила служанка. — После обеда — выход в сад.

— Спасибо.

Дверь закрылась.

*Кэтно*нула хлеб в рукав — кашу есть не стала. Встала к окну. Провела пальцами по корням — пудра держалась. Пока.

Солнце разбросало первые лучи, осветив окно спальни в цитадели, и некоторые крыши домов, расположившихся за её пределами, внутри общегородских стен.

*Кэтно*жала подоконник. Камень был холодным, шершавым — она знала каждую трещинку. Отсюда, с третьего этажа, не разглядеть лиц. Только крыши. Только дым над трубами. Только чёрную стену леса на горизонте.

Там, внизу, жила мать.

Она взяла корзину с грязным бельём. Мать работала в прачечной северного крыла. Видеться с ней можно было только так: принести вещи, забрать чистые, обменяться парой слов под надзором стражников.

*Кэтно*вышла в коридор. Стражник у двери — молодой, с вечно испуганными глазами — кивнул.

— Госпожа, вам положено в малую залу.

— Я занесу бельё в прачечную. Наставница разрешила.

Он не стал спорить.

Прачечная находилась в подвале. Пахло щёлоком и мылом. Мать стояла у чана, красная от пара.

— Ты зачем?

— Бельё принесла.

Кэт поставила корзину. Мать вытерла руки о передник, взяла рубашки — проверила, нет ли лишнего. Ни записки. Ни монет. Ничего, что могли бы счесть тайным сговором.

— Как ты? — спросила *Кэт*.

— Потихоньку, *Кати-Кэт*, — ответила мать, закидывая бельё в таз.

*Кэтулыбнула*сь прозвищу. Единственная вольность, которая дозволялась матери, и та, что не дозволялась ей самой.

— А ты, *Люсина*? — спросила она тихо. — Ты в порядке?

Личное слово «мать» она могла произнести только про себя. Никаких личностей. Никаких вольностей. Перед ней все были равны. За этим следили.

Мать улыбнулась краем губ и ответила одними губами, без звука:

— Всё хорошо, *Кати-Кэт*.

Она поклонилась. *Кэт* склонила голову.

— Хорошего дня, *Люсина*.

И поспешила покинуть прачечную.

Кэт вышла в коридор. Корзина была пустой, руки дрожали — не от тяжести.

«*Всё хорошо, Кати-Кэт*».

Неправда. Но другого ответа не было. К вечеру мать покинет замок и вернётся в свою хибару на окраине *Белгерова*. Но пока её грела мысль, что та была где-то рядом. Главное — дотерпеть до конца занятий.

Она свернула в боковую галерею, ведущую к малой зале. Стены здесь были голыми — ни gobеленов, ни знамён. Только камень, холодный и сырой. Где-то внизу, под подошвами, гудели трубы прачечной.

Как тогда.

Ей было пять.

Площадь перед храмом, толпа, запах ладана и собственного страха. Старуха в чёрном платке полоснула её по пальцу — больно, остро. Кровь потекла по руке, капнула на ладонь проверяющего. Порез затянулся у неё на глазах.

Взрослые ахнули. Кто-то упал на колени. Мать — *Люсина* — стояла в стороне и плакала.

Через неделю *Кэт* перевели в северное крыло цитадели. Ещё через месяц *Люсина* перестала быть её матерью. На бумаге. Внутри — никогда. Но об этом нельзя было говорить вслух.

Кэт жала кулак. Ногти впились в ладонь, красные полумесяцы — старые и новые — покрыли кожу. Боль помогала не разреветься. Но только её же раны золотая кровь не заживляла. *Кэт* была уязвима.

Малая зала встретила её запахом воска и пыли. Капюшон был снова высоко надвинут, прикрывая и волосы, и часть лба.

Наставница — в сером, костлявая, с голосом как скрип несмазанной петли — уже стояла у кафедры.

— Вовремя, — только и сказала она.

Как всегда. Только тон был недовольным, словно *Кэт* опоздала. Учитывая, что в зале никого, кроме них, не было, вероятно, наставнице хотелось начать пораньше.

— Садитесь.

Кэт села на своё место — единственное не за кафедрой. Капюшон она снимать не стала — наставница не запрещала, но смотрела косо. Волосы почти полностью скрыты, корни под пудрой. Продержаться бы до обеда.

Наставница раскрыла «*Истории золотокровок*». *Кэт* знала эти страницы наизусть. Истории тех, кто был до неё. Тех, кто отдал себя до капли.

Через несколько месяцев ей исполнится двадцать. Тогда от неё потребуют того же. Не замужества — на него тоже наложен запрет. Деторождение. Так говорят наставницы: «*Ваше тело — сосуд. Ваша кровь — дар. Вы отдадите и то и другое*». Когда ей должны были предложить пару, *Кэт* не знала. Она просто смотрела в окно.

— Госпожа *Каталина*, вы меня слушаете?

— Да, госпожа наставница.

— О чём я только что говорила?

Кэт перевела взгляд. В памяти — ни слова.

— О том, что святые отдают, не спрашивая.

Наставница поджала губы, но кивнула.

— Именно. Хорошо, что вы это помните.

Кэт провела пальцами по руке, нащупывая бугры — они зудели, когда заживали. Пока на их месте не делали новые порезы.

После обеда — выход в сад.

Сад окружала высокая стена. *Кэт* знала в ней каждую трещину. Дождалась, пока наставница отвернётся к розовым кустам, — и юркнула в заросли шиповника.

Шипы царапнули руку, но она не заметила, пока пробиралась через небольшую брешь между столбом и кладкой. Мужчина бы вряд ли пролез, но ей, бочком, было в самый раз. Оказавшись за пределами цитадели, где начинались поля, она просунула руку в глубокое отверстие между камнями, вытягивая изнутри сумку. Быстро начала раздеваться — никого не было, но вдруг.

Чёрная рубаха и такие же штаны, украденные с прачечной. Быстро собрала волосы и перевязала тряпкой.

Она оглянулась — по-прежнему никого. На дубе за полем качнулась ветка. Белое одеяние отправилось в сумку, когда со дна она извлекла два меча — деревянный, немного корявый, и железный, совершенно не острый, кроме кончика, что поблёскивал на солнце.

— Ты рехнулась, — раздался голос со стороны дерева. *Кэт* подняла глаза и вздохнула.

— Слезай, — бросила она, заметив в густой кроне чёрные одежды *Анхелики*. Лицо скрывала густая листва.

— Ты светила задницей, совершенно не прикрываясь, — раздался смешок, и подруга стала спускаться. — Что бы сказала твоя наставница.

— Она может поцеловать мою святую пятку, — ухмыльнулась *Кэт*.

Та спрыгнула с дерева рядом с ней, отряхивая руки.

— Привет, — поздоровалась *Анхелика*, широко улыбаясь.

— Не «привет». Патруль какой сегодня?

— Северную стену сменили полчаса назад. У южной никого.

— Откуда

— Я считала.

Кэт улыбнулась.

— Значит, два часа у нас есть.

Анхелика забрала меч из руки подруги. Деревянный.

— Давай, нападай.

Кэт жала железный меч. Рукоять потёртая, ладонь скользит.

— Без обид.

— Обижаться на тебя? — *Анхелика* усмехнулась, вскидывая деревянный клинок. — Ты даже попасть не сможешь.

Кэт бьёт. В пустоту.

— Медленно.

Ещё удар. Снова мимо.

— Ты не на тренировке, — бросает *Анхелика*. — Ты боишься меня задеть.

— А ты боишься меня ударить.

— Это ты меня не знаешь.

Анхелика атакует первой — без предупреждения. Деревяшка скользит по железному лезвию, царапает плечо. *Кэт* шипит, но не отступает.

— А крокотты будут рвать на части. И не церемониться.

— Тогда научи меня так, чтобы я не дала им себя разорвать.

— Попробуй не уклоняться, а бить в ответ. Даже если страшно. Даже если больно.

Кэт кивает. Следующий удар она принимает на меч, не уворачивается — и сразу бьёт сама.

Деревяшка скользит по плечу *Анхелики*, не вылетает, но подруга отступает на шаг.

— Попала, — выдыхает *Анхелика*, потирая плечо. — В первый раз. Не ожидала.

— А крокотты не станут смотреть, куда ты бьёшь.

— Зараза.

Кэт отпускает меч. Только сейчас она чувствует саднящую боль в предплечье — там, куда пришёлся удар деревяшкой. Кожа цела, но красная полоса уже набухает, обещая синяк.

— Чёрт, — она задирает рукав чёрной рубахи. — Белое платье, чтоб его, всё покажет.

Анхелика подходит ближе, осматривает руку.

— Не кровоточит. Но синяк будет знатный.

— Наставницы увидят. Пудра в комнате.

— Тогда не показывай. Спрячь руку в складках. Скажешь, ударила о дверь.

Кэт кривится.

— Не поверят.

— А ты сделай вид, что веришь. Это их работа — делать вид, что они тебя контролируют.

Твоя — делать вид, что подчиняешься.

Кэт смотрит на подругу. Та улыбается — не широко, скорее грустно.

— Что-то придумаю. Как и всегда.

Она села прямо на землю, под дубом, откинув голову назад, и стаскивая тряпку, чтобы волосы успели чуть подсохнуть. Она всё равно спрячет их под капюшоном, но лишнего повода давать им не хотелось. Особенно после вчерашнего.

— Они вчера комнату обыскивали, — буркнула она, закручивая тряпку в жгут.

Анхелика удивлённо посмотрела на неё, присаживаясь рядом.

— С чего?

— Сказали, что просто контроль, но мне кажется, что что-то произошло. Сегодня все какие-то нервные.

— Только в твоём присутствии или вообще?

Кэт пожала плечами.

— Вообще.

Анхелика цокнула.

— Это странно.

— Знаю.

Кэт откинула голову на ствол, закрыла глаза. Под веками — красные пятна. Вчера, когда стражники перерыли её комнату, она стояла в углу и смотрела, как они вытряхивают матрас, переворачивают стул, заглядывают под кровать. Нашли лишнюю тряпицу — не ту, что для

волос, а ту, что для лица. Спросили: «Зачем?» Она ответила: «От пыли, господа стражники». Поверили? Не знает.

— Если они найдут тайник — начала *Анхелика*.

— Не найдут, — говорит *Кэт*. Но вчера, когда она проверяла тайник, ей показалось, что мешок лежит не так, как она оставила. Или просто показалось. Она не уверена.

— А если кто-то видел, как ты лезешь?

— Тогда бы меня уже не было здесь.

Анхелика замолчала. Потом тихо сказала:

— Ты слишком рисковала.

Кэт вздохнула, открывая глаза. Мир снова стал цветным.

— Это когда-нибудь закончится?

Она махнула рукой на поля, на десятиметровую стену позади. На *Белгерев*, который любила и ненавидела.

Она усмехнулась и ответила на свой же вопрос.

— Думаю, для меня всё кончится плохо.

Анхелика села, поджав ногу.

— Не говори так. Ты этого не знаешь.

Кэт вздохнула.

— Знаешь, в этой тупой книжке есть всё — как исцеляли предыдущие святые. Записи о рождённых ими детях — о потенциально новых ветках золотой крови. Но там не описано, как жили девушки, как они умирали. Почему золотокровые рождаются не только в прямых линиях. — Она вздохнула. — Книга, наполненная такой чушью.

Анхелика замолчала. Потом тихо спросила:

— А ты хотела бы знать правду?

Кэт сорвала травинку и крутила её в пальцах.

— Не знаю. Но я просто хочу

Пронзительный звук раздался со стороны лесополосы на краю поля.

Кэт пробрало до мурашек.

— Это?

— Да, — ответила *Анхелика*. — Слышу.

Крокот.

Звук повторился — выше, тоньше. Не вой, не крик. Что-то между ржанием и предсмертным хрипом.

— Сколько их? — спросила *Кэт*, уже поднимаясь.

— Не знаю. Но одного точно слышу. Возможно, стаю.

— Сколько времени? — тихо спросила *Кэт*.

— Не знаю, может, четыре.

— Мать живёт у самой лесополосы, — *Кэт* уже поднялась на ноги. — Если крокоты там

— *Кэт*, нет. Тебе нужно вернуться.

— Мать уже дома.

— *Кэт*

— Я иду.

— Если тебя увидят — тебе конец.

— Меня не узнают. — Она затянула тряпку на волосах. — Без белых тряпок я никто.

Кэт сунула ноги в сапоги, подхватила железный меч. Деревянный оставила *Анхелике* — лучше так, чем с голыми руками.

— Ты идиотка, — сказала подруга, но пошла следом.

Глава 2

Она ожидала увидеть одного.

Всё поле перед ней двигалось. Деревня, которую она видела только издали, теперь дышала в лицо гарью и криками. Дома — серые пятна на карте — пылали.

Их было слишком много.

Они текли по улицам — серо-зелёная масса, лохматая, рваная. Не бежали, не шли — перемещались. Рывками, толчками, как куклы, у которых оборвали половину верёвок. Некоторые передвигались на четвереньках, волоча за собой ноги. Другие стояли почти прямо, но головы их были неестественно вывернуты, подбородки смотрели в небо. Третьи ползли по стенам, цепляясь обломанными ногтями за щели между брёвнами.

Кэт замерла.

Она держала меч. И не помнила, зачем.

— Сюда! — *Анхелика* схватила её за плечо, дёрнула в переулок.

Они прижались к стене. Рядом, в паре шагов, крокотт разрывал кого-то — *Кэт* не смотрела, не могла, но звуки впивались в уши: мокрый хруст, чавканье, всхлипы. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким, от чего выворачивало наизнанку.

— Смотри, — *Анхелика* ткнула пальцем.

Из переулка вылетел крокотт. Прямо на них.

Кэт увидела лицо. Не морду — лицо. Провалившийся нос, клочья седой бороды, человеческий глаз, который ещё не до конца побелел. Сквозь рваную рану на шее виднелись позвонки. Он уже не дышал — он просто двигался. Память тела. Не живая, не мёртвая. Что-то посередине.

Он пробежал мимо, даже не глядя в их сторону. Ему было плевать.

— Их гонят, — прошептала *Анхелика*. — Кто-то гонит стаю. Прямо на деревню.

— Кто?

В ответ — только крики. И топот копыт.

Кэт выглянула.

По улице неслись всадники. Чёрные плащи, серебряная вышивка. Не их стража — слишком богатые доспехи, слишком хорошие кони. Солдаты лорда *Лигермана*. Управителя всех земель *Вереста*. Они рубили крокоттов, не глядя, не считая. Им было плевать, что рядом — дома. Что люди не успели спрятаться.

— Им не до нас, — сказала *Анхелика*. — Их дело — гнать стаю. Остальное — не их забота.

Кэт хотела что-то сказать. Не успела.

— Смотри на меня, — *Анхелика* схватила её за подбородок, повернула к себе. — Не смотри туда. Смотри на меня.

Кэт смотрела. И видела на лице подруги чужую кровь — тёплую, ещё не успевшую застыть, полосой через щёку, через губу. *Анхелика* не замечала.

— Нужно убираться.

— Мать

— Её здесь нет. Посмотри вокруг!

Кэт посмотрела.

Из переулка напротив вылетел крокотт — прямо на них. *Кэт* отшатнулась, прижалась к стене, зажмурилась. Он пробежал мимо, даже не взглянув. Мелькнуло лицо. Не морда — лицо. Человеческое. Провалившийся нос, седая щетина, глаза — мутные, бельмённые, но живые. Живые? Не живые. Что-то между.

На пальцах — ногти, не когти. Слишком человеческие. И остатки рубахи — синей, в клетку, как у лесорубов.

*Кэт*не могла дышать. Воздух не входил в лёгкие, будто грудную клетку сдавило невидимой рукой.

— *Кэт!* — *Анхелика*трясла её. — *Кэт*, мать твою!

Она не слышала. Она смотрела на крокотта, который сидел на корточках у стены и царапал камни. Не рвал, не кусал. Царапал. Медленно, методично, будто пытался откопать что-то, лежащее под землёй. И издавал звук — не рык, не вой. Тонкое, высокое, похожее на скулёж.

*Кэт*почувствовала, как ноги подкашиваются. И ещё что-то. Тёплое, по бедру. Стыд обжёг лицо — она поняла, что это, но не могла остановить.

— Вставай! — *Анхелика*подхватила её под мышки, поставила на ноги. — Вставай, сейчас не до этого!

Она не помнила, как они выбрались из того переулка. Мир превратился в лоскуты: чья-то рука, тянущаяся из-под досок; лицо, прижатое к земле, но не мёртвое — дышащее, с открытым ртом, с глазами, которые смотрели сквозь неё, не видя; запах жжёного мяса и чего-то сладкого, от чего выворачивало наизнанку.

Они выбежали на пустырь. Деревня осталась за спиной — горела, кричала, умирала. Лесополоса чернела впереди.

— Туда? — крикнула *Кэт*.

— Туда!

И тут она увидела ребёнка.

Мальчик лет пяти, босиком, в разодранной рубахе, стоял на коленях посреди пустыря. Один. Совсем один. Не бежал. Не плакал. Просто сидел, обхватив голову руками, и раскачивался.

Сзади надвигалась тьма. Тени прыгали с крыши на крышу, приближались, перекликались. Их *крокотание* — не рык, не крик, а что-то среднее между смехом и плачем — разносилось по округе, множилось, отражалось от стен.

— Стой! — крикнула *Анхелика*. — *Кэт*, стой!

*Кэт*не слушала. Она побежала к мальчику. Не думая. Не выбирая.

Она успела схватить его за руку, дёрнуть на себя, прижать к груди.

И тут же — удар в спину.

*Кэт*не увидела, кто это сделал. Только почувствовала, как земля уходит из-под ног, как она летит, прижимая к себе чужого ребёнка, как боль взрывается в плече, в боку, в голове.

Они упали. Мальчик выкатился из рук, закричал. Крокотт навис над ней — серо-зелёный, разлагающийся, с открытым ртом, из которого текла чёрная жижа. Пахло протухшим мясом и болотом.

*Кэт*ударил его мечом — не глядя, не целясь. Лезвие вошло во что-то мягкое. Крокотт взвизгнул, отшатнулся — и в ту же секунду *Анхелика*обрушила на него коромысло. Тварь дёрнулась, но не упала.

— Беги! — заорала *Анхелика*.

*Кэт*вскочила, схватила мальчика за шкирку, побежала.

Куда — не знала. Прочь. Подальше. Там, где не пахнет гнилью.

Лесополоса приближалась. Дома остались позади. Где-то справа — и, кажется, дальше, чем нужно, — дорога к цитадели. Слева — лес. Сзади — деревня, которая догорала.

Она бежала, спотыкаясь, прижимая к себе ребёнка, не чувствуя ног. Плечо горело. По руке текла кровь — горячая, липкая. Она не помнила, когда успела пораниться.

Впереди — лес. Темнота. Позади — ад.

Она выбрала лес.

Влетела в лесополосу — и сразу стало темно. Кроны сомкнулись над головой, скрыв небо. Крики стихли — не потому, что деревню спасли, а потому что лес съел звуки. Осталось только её дыхание, хриплое, рваное, и всхлипы мальчика, и собственное сердце, которое колотилось где-то в горле.

Она бежала, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу, по рукам. Корни норовили подставить подножку.

— Помогите, — прошептала она. — Кто-нибудь.

Никто не ответил.

Из кустов вылетела тень.

Кэтне успела ни поднять меч, ни вскрикнуть. Крокотт сбил её с ног, приложил о землю так, что из лёгких вышибло воздух. Мальчик выпал, покатился в сторону, закричал.

Крокотт навалился сверху, царапал, рвал, кусал. *Кэтне* видела — только чувствовала. Ногти — слишком человеческие, сломанные, чёрные — впивались в плечи, в грудь, в живот. Пахло гнилью и её собственной кровью.

Она ударила. Мечом? Нет, меч выпал. Рукой. Кулаком. Попала в висок. Крокотт даже не пошатнулся. Только закротал во всё разодранное горло.

Она лежала, и всё тело было одной болью.

А потом крокотт просто исчез. Не убежал — его снесло. Солдат врезался в него, насаживая на свой меч и утаскивая прочь.

Другой крокотт пронёсся мимо. И ещё один. А за ними — солдаты. Чёрные плащи, серебряная вышивка.

Стаю перегоняли.

Кэтлежала на земле. Кто-то пробежал мимо, споткнулся о её ноги, выругался и побежал дальше.

Её никто не поднял. Ей не подали руки. Её просто не заметили.

Впервые в её святой жизни.

Всё стихло.

Слёзы полились из глаз. Тело словно не подчинялось — изо рта вырвался всхлип, горький, неконтролируемый. Она лежала в грязи, в собственной крови, в том, что когда-то было людьми, и никто не смотрел в её сторону. Святая. Золотокровая. Избранная.

Никому не было до неё дела.

Она оттолкнулась от земли, опираясь на локоть. Плечо заныло, по руке снова потекла кровь. Мальчик был жив — сидел в трёх шагах, обхватив голову руками, и раскачивался. Не плакал. Просто раскачивался.

Добраться до него.

Ползти. Не бежать. Не вставать. Просто — добраться.

Она сделала первый шаг на четвереньках. Колени увязли в чём-то мягком — она не смотрела. Второй — рука скользнула по камню, мокрому, липкому. Третий — её вырвало. Кислым, горьким, прямо на землю. Долго.

Сжимая кулаки, опираясь на них, она взяла себя под контроль. Вытерла рот тыльной стороной ладони и поползла дальше.

— Иди сюда, — позвала она. Голос сорвался, превратился в хрип. — Иди сюда, маленький.

Мальчик поднял голову. Глаза — пустые, невидящие, щёки красные, заплаканные. На руке зияла жуткая рана, заливая всё кровью.

— Я тебе помогу. — Она поднесла свою руку, с которой капала алая кровь. Её собственная. Та самая, из-за которой у неё уже никогда не могло быть нормальной жизни. — Это облегчит боль.

Кэт завела руку прямо над его раной. Пара красных капель упала в неё, затем потекла дальше, смешиваясь с грязью и кровью.

Но этого хватило.

— Всё будет хорошо, — сказала *Кэт*. — Обещаю.

Мальчик замер. Перестал раскачиваться. Посмотрел на свою руку. Края раны начали стягиваться, словно их тянули невидимыми нитями. Кожа становилась розовой, потом бледной — и вот уже от глубокой раны остался только тонкий белый шрам.

Лицо, искажённое болью, чуть расслабилось. Страх она исцелить, увы, не могла.

Кэт выдавила улыбку, глядя в его удивлённые глаза. Голова кружилась. Темнота наступала с краёв зрения, сужая мир до маленького пятна света — его лица. Она успела подумать, что сейчас упадёт в обморок и оставит его одного. Нельзя.

А затем в спину последовал удар.

Не когтями — ногой. Сапогом. *Кэт* рухнула лицом в землю, не успев даже вскрикнуть.

— Тут двое, — раздалось сзади.

— Зачистить всю территорию, — донёсся голос откуда-то издалека.

Над *Кэт* навис солдат. Чёрный плащ, серебряная вышивка, лицо скрыто шлемом. Меч занесён для удара.

Она даже не успела испугаться по-новому. Не успела зажмуриться. Не успела подумать о матери, об *Анхелике*, о своей глупой святой жизни, которая заканчивается здесь, в грязи, под ногами у чужого солдата.

Но он замер.

— Человек, — его взгляд переместился на мальчика. — Тут двое людей, — отчитался он.

Из-за дерева вышел мужчина.

Не солдат. Другой. Чёрная ряса, капюшон низко надвинут, лицо скрыто маской. Не как у рыцарей — с забралом. А литая, глухая. Такие маски носят в усыпальницах, только с прорезями для глаз и щелью для рта.

Он не торопился. Шаг — и земля под его ногами будто замирала. Ещё шаг — и *Кэт* почувствовала, как воздух становится тяжелее.

Он остановился в двух шагах. Слегка присел. Посмотрел на неё. На мальчика. На их руки, перепачканные кровью.

Сквозь прорези было видно только тёмно-синие глаза, которые исследовали её, заостряя внимание

Кэт пустила рукава — или то, что от них осталось, — смазывая кровь и пряча ровные порезы поперёк запястий и выше, идущие почти к самому плечу. Одной ладонью она накрыла нетронутую рубцами кожу на запястье, где был вытатуирован красный круг с каплей внутри. Она постаралась сделать это незаметно.

Но глаза в прорезях чуть расширились.

— Ребёнка вернуть в деревню, — произнёс он, резко поднимаясь. — Девушка поедет с нами.

Кэт тотшатнулась.

Бессердечный. Железномасковый монах. Это были не просто пустые слова.

Кэт сразу поняла, перед кем оказалась. Предводитель войска лорда *Лигермана*, лорда всего *Вереста*, не только *Белгеревского* оудела.

И у *Кэт* больше не было сомнений — он знал, кто она такая. Иначе забирать её не было никакого смысла.

Волна ужаса вновь накрыла её с головой.

Глава 3

— Вставай.

Она даже не сразу услышала приказ сквозь шум крови в ушах. Голос глух

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.